

А.Е. Аникин, Е.А. Хелимский. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки русской культуры, 2007. 255 с.

В книге исследуются самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи – начиная от эпохи праязыков (распад обеих генетических общностей датируется приблизительно рубежом нашей эры) и кончая заимствованиями из одного современного языка в другой. Необходимо сразу отметить, что такая работа является с точки зрения языков народов Сибири – и, шире, сибиреведения в целом – столь же долгожданной, сколь и пионерской. По суще-

ству, это первое сравнительно-историческое исследование двух соседствующих на лингвистической карте Сибири языковых общностей, в котором делается попытка сбора и временной стратификации возможных лексических параллелей – что, в конечном итоге, позволяет делать предположения о возможных датировках контактов самодийцев и тунгусо-маньчжуров, об интенсивности и даже в определенной степени о характере этих кон-

тактов. Базу для этого исследования подготовили обширные корпуса лексических сопоставлений, накопленные к настоящему времени для каждой из этих семей (прежде всего речь идет о двух фундаментальных работах [Цинциус 1975–1977; Janhunen 1977]). С опорой на эти источники и производится надгенетическое сопоставление этих языковых общностей, причем, как подчеркивают авторы, не как попытка доказать родство в рамках урало-алтайской гипотезы, а именно с позиций контактологии. По сравнению, в частности, со словарем Ю. Янхунена, самодийский материал в ряде случаев уточнен или расширен за счет полевых материалов Е.А. Хелимского.

Основную часть книги – и по объему, и по значению – составляет словарь, в котором представлено около 300 самодийско-тунгусо-маньчжурских лексических сближений. При упорядочении материала в словаре был принят не алфавитный, а хронологический порядок. Все данные разделены на достаточно мелкие группы, позволяющие упорядочить лексические параллели по степени их древности: словарь начинается с перечисления тех лексических сближений, которые авторы относят к периоду праязыков, и заканчивается перечислением «самых молодых» заимствований между современными тунгусо-маньчжурскими и самодийскими языками. Выделяются следующие временные пласты заимствований:

I. Заимствования эпохи праязыков;

II. Заимствования между вост.-тунгусо-маньчжурскими (тунгусо-маньчжурские языки, кроме эвенкийского) и прасамодийским;

III. Заимствования между пра(северно)самодийским и северно-тунгусо-маньчжурскими;

IV. Заимствования между прасеверносамодийскими и пратунгусо-маньчжурским/тунгусскими (эвенкийский + эвенский).

Далее, разделенные на V групп – по числу самодийских языков (ненецкий, нганасанский, энецкий, селькупский и, наконец, группа саяно-самодийских) – последовательно рассматриваются лексические параллели между отдельными самодийскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Внутри каждой группы лексические параллели разделены на несколько подгрупп, в зависимости от источника заимствования: так, противопоставляются заимствования из самодийских языков, заимствования в самодийские языки и такие лексические параллели, для которых затруднительно достоверно указать направление заимствования. Таким образом, в явном виде производится эшелонирование этимологий по степени надежности: случаи очевидного направления заимствования эксплицитно отделяются от тех этимологий, где

характер связи между самодийской и тунгусо-маньчжурской лексическими единицами недостаточно прозрачен. В связи с этим, необходимо вообще отметить, что в данном исследовании во главу угла был поставлен принцип аккуратной и осторожной этимологической работы. Прежде всего, за рамками данного исследования остались десятки сопоставлений, отвергнутых самими авторами по той или иной причине (некоторые примеры таких этимологий приводятся в приложении к книге). Кроме того, и внутри того корпуса данных, которые, по оценкам авторов, достаточно убедительны для того, чтобы быть опубликованными, этимологические решения последовательно разграничиваются по степени надежности: заголовки каждой статьи сопровождается либо литерой (A), обозначающей высокую степень надежности сопоставления, либо литерой (B), обозначающей допустимые, но связанные с теми или иными трудностями сближения (проблема конкретизируется в тексте словарной статьи, где вызывающее затруднение место обозначено знаком «?»). Статьи словаря могут также сопровождаться различными комментариями к реконструкциям и предлагаемым альтернативным этимологическим решениям.

Книга обладает рядом особенностей, которые, безусловно, выводят ее за рамки стандартного сопоставительного словаря. Прежде всего, книге предпослано введение, в котором излагается точка зрения авторов на историю самодийско-тунгусо-маньчжурских языковых контактов и освещаются проблемы локализации самодийской и тунгусо-маньчжурской прародины. Это сразу вводит предлагаемые конкретные лексические сближения в более широкий этноисторический и лингвистический контекст. Кроме того, во введении предлагается обзор намечаемых фонетических закономерностей, характеризующих самодийско-тунгусо-маньчжурские языковые параллели, то есть дается предварительный материал к сравнительной фонетике языковых отношений, связывающих эти две языковые общности.

Вероятно, данная работа не свободна от критики; точнее говоря, даже не «вероятно», а «по необходимости» не свободна – а именно, в силу своей абсолютной новизны. Возможно, дальнейшие исследования в этом направлении, стимулированные появлением этой книги, позволят многое в ней уточнить, а что-то, может быть, и опровергнуть: несомненная ценность исследования состоит не только в подобранном и проанализированном материале, но в самой постановке проблемы. Однако есть в этой книге и то, что позволяет, безусловно, надеяться, что со временем сохранится не только ценность самой идеи само-

дийско-тунгусо-маньчжурских языковых сопоставлений, но и значительная часть предложенных в ней конкретных этимологических решений. И тут я позволю себе, несколько отступая от канонов жанра рецензии, сказать несколько слов об одном из авторов этой книги, проф. Е.А. Хелимском (15.03.1950–25.12.2007). Мне выпало глубокое счастье принимать участие в его полевой и научной работе над одним из самодийских языков и мне хотелось бы выразить хотя бы малую толику того безмерного научного и человеческого уважения, которое он вызывает не только у меня, но и у всех своих учеников и многих коллег. Если говорить о том, кто мог бы взяться за такую рискованную – в смысле научной неразработанности – тему, как надгнетическое сопоставление этих двух языковых общностей, то, кажется, это должен был сделать именно Евгений Арнольдович. Эта тема занимала его уже около тридцати лет: картотеку, положенную в основу этой книги, он начал составлять еще в 1970-х годах. Но важнее всего то, что Евгений Арнольдович, будучи специалистом по самодийским языкам, обладал глубокими и профессиональными познаниями в археологии, истории, этнографии сибирского региона и населяющих его народов. Это внимание к смежным дисциплинам позволяет назвать его классическим ученым-сибиреведом, основную свою любовь отдавшим самодийским языкам, но испытывавшим живой и подлинно научный интерес к Западной Сибири в целом и к населяющим ее народам, соседствующим с самодийцами. Как кажется, именно это «укоренение» в сибирской проблематике и позволило Евгению Арнольдовичу с уверенностью предлагать этимологические сопоставления в такой абсолютно неисследованной пока области, как самодийско-тунгусо-маньчжурские языковые связи.

В лингвистике Е.А. Хелимский известен прежде всего как компаративист; общепризнанным является и его вклад в самодийскую реконструкцию. Тем не менее – что показательно и в отношении рецензируемой книги – традиционным для него был и интерес к проблемам межъязыковых контактов [Хелимский 2000]. Проблематика эта, надо признать, нелюбима многими компаративистами в силу того, что ареальное взаимодействие языков и результаты языковых контактов воспринимаются ими скорее как «шум», затемняющий ясную картину перехода от праязыка к языкам-потомкам, и, в конечном итоге, как определенная помеха для реконструкции. Нетипичное на этом фоне внимание Е.А. Хелимского к проблемам языковых контактов обусловлено, как мне кажется, не только его хорошо из-

вестной научной беспристрастностью и аккуратностью. Мне видится в этом еще и другая причина: Евгений Арнольдович искренне наслаждался научной работой, и искренне любил самодийские языки, не только как лингвистически интересный материал, и даже не только как материал, который становится для исследователя совершенно своим, «обжитым», почти родным в силу великолепного знания им всех тонкостей и особенностей «своих» языков. Научная работа до последних дней доставляла Евгению Арнольдовичу высочайшую радость, и «общение» с языками было для него не менее значимым, не менее живым, и ничуть не менее полноценным, чем общение с друзьями, коллегами, близкими людьми. Эту его черту отмечали многие; обаяние подлинной любви и научной окрыленности пленяло едва ли не с первых минут общения с ним. Именно поэтому ему – без преувеличения – была важна и дорога каждая черточка этих любимых им существ – селькупского, северно-самодийской троицы, саяно-самодийских языков. И то, что в его научных трудах компаративистика соседствует с контактологией, этнографией, фольклористикой, продиктовано не столько даже его научной беспристрастностью, сколько, наоборот, глубокой и верной его страстью к этой части сибирского языкового мира.

Вероятно, свою роль в этом сыграл и богатый опыт полевой работы с самодийскими языками. Каждый из них был для него в определенной степени «персонифицирован», олицетворен теми или иными информантами, с лучшими из которых Евгения Арнольдовича связывала дружба и – без преувеличения и сентиментальности – уважение и отчасти даже преклонение перед ними как перед настоящими знатоками уходящих языков, прекрасно осознающими свою роль последних хранителей языка. Он пережил почти всех их, пережил, может быть, последние отблески расцвета малых самодийских языков. А теперь ушел и он – и отчего-то хочется назвать его одним из последних рыцарей этой уходящей эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Хелимский 2000 – Е.А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
 Цинциус 1975–1977 – В.И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.
 Janhunen 1977 – J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

А.Ю. Урманчиева